

Род небожителей. Гора Ваньюнь.

Безбрежное лазурное небо уходило в бесконечность. На вершинах, окутанных густыми облаками и туманом, струилась непрекращающаяся духовная энергия. Птицы рассекали крыльями воздух, а стоящее на самом высоком пике Небесное Зеркало дрожало лёгкой вибрацией. Это место считалось запретной территорией небожителей — и всё же у подножия горы стояли несколько людей с предельно серьёзными лицами.

Седовласый старец стоял прямо под Зеркалом, черты его были напряжены.

Сзади подошёл кто-то и спросил:

— Старейшина Хань Юэ, ну как?

Старик медленно открыл глаза, вскинув взгляд в небесную даль. Его голос прозвучал хрипло, будто пропитанный вечной усталостью:

— Зеркало дрожит. Похоже, в трёх мирах предвидится великая беда.

Высокое зеркало парило в пустоте. Его удерживали четыре огромных сияющих духовных камня, прозрачных, будто ледяные кристаллы. Но по краям стекала тонкая, едва заметная, и всё же пугающе яркая красная дымка.

Линь Цан удивлённо выдохнул:

— За миллионы лет Зеркало не сделало ни одного предсказания. В последний раз оно вело себя так лишь тогда, когда...

Договорить он не смог — слова застряли в горле.

Старец же оставался совершенно спокойным. Проводя пальцами по длинной бороде, он тихо вздохнул:

— В тот раз Зеркало открылось, чтобы предсказать пришествие Дажэна. С тех пор прошёл... миллион триста тысяч лет.

Глаза Линь Цана расширились. В них дрогнуло настоящее, почти животное ужасание:

— То... то есть сейчас ... неужели это означает...

Воздух вокруг стал безмолвен, как снег, падающий в пустыню.

Холодный ветер прошёл над склоном, привнося с собой глухую, мёртвую тишину.

Старец долго смотрел на парящее в небе зеркало. И наконец тихо вздохнул:

— Похоже, в этот мир снова сходит демон-бог.

— Что!? — голос Линь Цана сорвался. — Как может появиться ещё один!? Даже обладая половиной своих сил, Мозун Дажэн уже подчинил себе три мира! Если бы не Великая Божественная Печать того времени, демоны давным-давно захватили бы всё! И теперь... теперь ещё один? Если он окажется таким же жестоким, как он... трём мирам конец!

Старец подошёл к краю облачной пропасти и взглянул на море тумана внизу. В его голосе

звучала бесконечная древняя скорбь:

— Это — время. Это — судьба...

Линь Цан поспешно спросил:

— Старейшина, разве это никак не остановить?

— Предсказание Зеркала — воля Небес, — старец покосился на него. — Попытка изменить предначертанное... Разве ты забыл, что случилось тысячу лет назад?

У Линь Цана перехватило дух, все слова сгнули.

События того времени, даже спустя столько лет, стояли перед глазами — ясные, как будто произошли вчера. И каждый раз, вспоминая их, он чувствовал, как холодный страх поднимается по позвоночнику.

Миллионы лет назад массив Погибели на горе Ваньмяо был разрушен. Мозун Дажэн взошёл на гору с мечом в руках. Кровь рода небожителей текла рекой — почти весь клан был уничтожен. Его простые одежды, когда-то белые, стали черны, будто уголь. Пламя тогда бушевало три дня и три ночи. И если бы Повелитель Бессмертных не пожертвовал душой ради восстановления печати, а старейшины не объединили силы, чтобы удержать гору — от рода небожителей не осталось бы даже пепла.

Та Линшань, что когда-то величали Священной, после той битвы превратилась в кошмар, куда страшнее человеческого ада.

Даже после победы, чтобы погасить мёртвый огонь, гору накрыло вечное похолодание. Снежная печать держала её запечатанной миллионы лет — пронизывающий до костей мороз не отступал ни на миг.

Голос Линь Цана дрожал:

— Но... ведь он забыл всё, что случилось тогда. Смерть того человека не была виной нашего рода... Наш пранаставник говорил: то было испытание, через которое Владыка демонов должен был пройти, чтобы стать Богом...

Седовласый старец едва заметно изменился в лице. Он долго смотрел вдаль, прежде чем снова вздохнуть:

— Волю Небес не постичь.

Линь Цан глубоко вдохнул, сделав попытку рассуждать:

— Всегда так: новый Бог появляется лишь тогда, когда прежний падет. Значит ли это... что Дажэн близок к гибели?

Старец поднял голову и всмотрелся в Зеркало. Только спустя долгое молчание произнёс:

— Нет. Есть ещё один путь.

Глаза Линь Цана медленно распахнулись шире:

— Вы... вы хотите сказать...

Старец едва заметно кивнул:

— Сын Мозуна. Он рождается уже с телом первородного божества.

Линь Цан похолодел с головы до пят; мысль сама сорвалась с языка:

— Тогда... у демонов будет два Владыки? Если так, то этот маленький Бог ещё не родился. Мы могли бы опередить их...?

Один Дажэн — и то не с полными силами — уже обратил три мира в кровавое месиво.

А если появится ещё один...

Нужно понимать: второй печати, подобной той самой, что погубила богов, на свете больше нет.

Старец перевёл на него спокойный взгляд:

— Тогда, в ту эпоху, мы почти были уничтожены. Если сейчас мы тронем жену или ребёнка Владыки демонов... С его жестокими, изломанными методами... если он узнает...

Линь Цан умолк.

Ибо если та тварь решит мстить — похоронит под собой все три мира.

Род демонов. Гора Фулин.

В просторной комнате верхнего этажа сидел юноша. Он притаился у стола с видом человека, у которого сердце вот-вот упадёт в пятки. Его глаза — чистые, ясные — робко смотрели на человека напротив, в ожидании ответа.

Пальцы Сянь Хуана замерли на полуслове. Он спокойно спросил:

— В ту ночь?

Цзянь Чжэнь кивнул:

— В ту ночь, когда я принял человеческий облик... смутно помню, что вступил с кем-то в двойную практику. Но в момент обращения рассудок у меня был мутный, а очнувшись, я уже оказался далеко — из-за событий на горе Ваньмяо. Поэтому...

Сянь Хуан был слишком умён, чтобы не понять:

— Значит, ты не знаешь, кто был с тобой.

Цзянь Чжэнь покорно кивнул:

— В глубине души я догадываюсь. Ведь я — двойственная бессмертная трава. Один мой стебель вырос в роду небожителей, второй — в роду демонов. В ту ночь, когда я обрёл тело, я почувствовал знакомое дыхание. Я знал, что это кто-то... близкий.

На самом деле — хоть в прошлой жизни, хоть в этой — Цзянь Чжэнь уже давно стал взрослой, вполне разумной «травкой».

И хотя всё случилось случайно, и хотя он толком не помнил происшедшего, в глубине сознания оставались размытые воспоминания: жар, холод, боль, нервы, дрожь... и то, что он сам тянулся к тому человеку. Потому-то он и не держал зла. Посчитал — ну, случилась ночь страсти, бывает. Кто кого использовал — ещё вопрос.

Он просто никак не ожидал... что забеременеет.

Цзянь Чжэнь убрал руку, посмотрел на сидящего напротив — холодного, безэмоционального, будто вне мира — и тихо произнёс:

— Похоже... это был не...

Сянь Хуан поднял на него глаза и ровно сказал:

— В ту ночь, когда на горе Ваньмяо произошла аномалия, я был в затворе. Из-за всплесков силы великий барьер, защищавший мою медитацию, также пострадал. И часть моих воспоминаний... размыта.

Цзянь Чжэнь: «...»

Маленькая травка замолчала. Маленькая травка была потрясена. Маленькая травка не знала, куда себя деть.

Посидев немного в оцепенении, он внезапно понял смысл сказанного — и резко поднял голову, уставившись на него круглыми глазами.

Мозг Цзянь Чжэня на мгновение стал абсолютно пустым. Он заикнулся:

— То есть... значит... ты... а я...

Пальцы Сянь Хуана чуть коснулись стола. Он поднял изящный нефритовый чайник, налил в чашку горячего чая и поставил её перед Цзянь Чжэнем. Движения — плавные, спокойные, будто ветер по поверхности воды. Голос — безмятежный:

— Поэтому не стоит пока делать поспешных выводов.

Рука, державшая чашку, у Цзянь Чжэня едва заметно дрогнула.

Узнав, что ребёнок, возможно, вовсе не от Владыки, он... почему-то не почувствовал

облегчения. На миг сердце странно вздрогнуло — и никак не отпускало.

Кто бы объяснил ему, что это вообще такое.

Он же просто хотел зайти в столовую перекусить! Всего-то!

Вот почему всё вдруг стало так сложно?..

Цзянь Чжэнь едва не поперхнулся водой. Маленькое лицо покраснело, он вскинул голову:

— Нет, так нельзя! Мне нужно вернуться. Сегодня первый день новых учеников на горе, вечером переключка.

Сянь Хуан невозмутимо заметил:

— Вы ещё не прошли вступительные испытания. Формально вы не ученики Фулиншань.

Цзянь Чжэнь моргнул:

— А... точно...

Но потом нахмурился — что-то в этой логике всё равно не сходилось.

— Всё равно мне надо вернуться, — он поставил чашку. — Иначе они не найдут меня и начнут волноваться.

Сянь Хуан поднял руку — и одним лёгким движением пресёк его попытку встать:

— Ты сейчас плохо себя чувствуешь. Остайся в тёплой комнате и отдохни. О новичках я сам распоряжусь.

Цзянь Чжэнь вообще не относился к тем, кто слепо следует правилам. Да и тёплая комната была куда уютнее. Поэтому он послушно кивнул:

— Хорошо.

Снаружи опустилась ночь.

Небо было усыпано звёздами. В тёплой комнате стоял барьер тишины.

Уставший за весь день, Цзянь Чжэнь свернулся на мягкой софе и почти сразу заснул. Маленькая фигурка, сжатая в клубок, казалась ещё тоньше под колеблющимся светом свечи.

Сянь Хуан провёл ладонью в воздухе — и в руке возникла мягкая тёплая накидка. Он аккуратно укрыл спящего.

За окном раздался чистый птичий крик.

Сянь Хуан обернулся — и увидел на перилах белоснежную духовную птицу. Он вышел к ней.

Птица, ощутив ауру Сянь Хуана, превратилась в белый свиток, который мягко опустился ему в ладони. Развернув его, Сянь Хуан увидел отчётливо выведенные строки:

□Зеркало открыто. Малый демон-бог явился в мир. Просим Сянь Хуана расследовать ситуацию и избавить три мира от угрозы.□

Ночь застыла, густая и напряжённая.

Фигура, стоявшая у крытого коридора, была пряма и безукоризненна. Белоснежная одежда колыхалась на ветру, создавая ощущение нездешней чистоты. Свиток духовной птицы рассыпался дымкой в его ладони — вместе с ним, казалось, рассеялась и тихая, невысказанная вздохом печаль.

На следующее утро.

Цзянь Чжэнь проснулся рано.

Вернее... он думал, что проснулся рано. На самом деле он спал почти до самого обеда. Во сне он догонял куриную ножку — та всё ускользала, всё улетала, а он тянулся, тянулся... и когда наконец прыгнул за ней...

— Ай!..

Он с громким грохотом свалился с софы, раскинувшись на полу звездой.

Укутанный одеялом, всё ещё сонный, он приподнял голову и посмотрел к выходу.

Сянь Хуан стоял неподалёку, в руках — коробочка с едой. Он стоял у дверей, опустив взгляд, словно только что увидел редкое природное явление: белоснежный, спокойный, как изгнанный Бог; и рядом — сонный комочек-травка, не понимающий, что происходит.

Цзянь Чжэнь выбрался из-под одеяла:

— Я... кажется, слишком долго спал?

Сянь Хуан, держа в руке коробочку с едой, совершенно серьёзно произнёс:

— По сравнению с тем, как долго ты спал раньше... в горшке — недолго.

Цзянь Чжэнь: «...»

Это... комплимент или оскорбление?

Маленькая травка послушно встала, сложила одеяло, привела себя в порядок, надела одежду и пошла умываться.

Сянь Хуан уже сидел за столом. На столе стояли горячие блюда.

— Иди, поешь.

Глаза Цзянь Чжэня сразу засияли:

— Похоже, это не то же самое, что вчера?

Сянь Хуан кивнул:

— Еда демонов тебе непривычна. Я велел мальчику принести свежие овощи и духовные травы с Линшань. Здесь мало мяса — тебе такое подходит лучше.

Цзянь Чжэнь взял руками прозрачный рисовый пирожок, откусил — и его лицо озарилось чистой радостью.

— Вкусно!

Нежный, мягкий, сладковатый — кусочек радости.

Цзянь Чжэнь счастливо вздохнул:

— Я раньше ещё с подоконника видел, какие у тебя на столе вкусные пирожки лежат. Тогда думал: вот бы и мне когда-нибудь попробовать — было бы счастье!

Сянь Хуан слегка улыбнулся:

— ... У всех желания — редкости и сокровища. А ты — только бы что-нибудь вкусное поесть.

Цзянь Чжэнь, с надутыми щёками и пирожком во рту, пробормотал невнятно:

— Небо велико, земля велика — а живот важнее.

В глазах Сянь Хуана проступило мягкое тепло. Он сам подал ему ещё один кусочек:

— Раз нравится — ешь побольше. Когда вернёмся на Линшань, я велю мальчику держать такие всегда.

Цзянь Чжэнь принял пирожок, откусил; аромат мгновенно разлился по губам, мягкий, тёплый, как солнечный свет. Он чуть прищурился от удовольствия:

— Давно не ел... всё такой же вкусный.

В тот же миг комната погрузилась в тишину.

Цзянь Чжэнь сам удивился своим словам и моргнул, растерянно хлопнув ресницами.

Странно...

Он ведь никогда раньше этого не пробовал. С чего же тогда сорвалось: «давно»?

Сянь Хуан сидел напротив, спокойно глядя на него. В темной глубине его глаз скрывалось тысячелетнее ледяное безмолвие, но губы тронула едва заметная улыбка:

— Может, ты просто слишком часто представлял это в своем горшке?

Цзянь Чжэнь задумался — и нашел объяснение вполне разумным. Послушно кивнул:

— Наверное... да, может быть.

И тут же выкинул неловкость из головы, как делает всегда.

Дни, проведенные в тёплой опочивальне, текли спокойно и безмятежно. После пережитой усталости Цзянь Чжэнь позволил себе два дня настоящего отдыха, пока на третий не пришло официальное извещение о предстоящем собрании учеников Фулиньшаня.

Получив письмо, он должен был вернуться в зал учеников.

Сянь Хуан сказал:

— На этот ученический сбор ты можешь не идти. Если хочешь учиться — учись на Линшане. На пиках клана есть множество техник, которые подойдут тебе.

Линшань?

Цзянь Чжэнь мгновенно вспомнил, как Мозун вскользь упоминал: один из глав Линшаня, ученик по имени Линь Цан, покрывает своих последователей, практикующих запретные техники. Хорошим человеком его назвать нельзя.

Вспомнив это, он резко замотал головой:

— Нет! Не пойду!

Сянь Хуан, увидев его столь явное неприятие, тихо рассмеялся:

— Или же... хочешь, чтобы я учил тебя сам?

Такая честь выпадала лишь нескольким ученикам — единицам в трёх мирах. Каждый из них обладал тысячелетним основанием в культивации, а дарованное им наставничество стоило несметных богатств.

Цзянь Чжэнь всерьёз подумал... затем поднял голову:

— Не стоит.

На этот раз удивился уже Сянь Хуан:

— По какой причине?

Отказаться от подобного — почти невысказано.

Цзянь Чжэнь уже успел одеться. Светло-голубая ученическая мантия делала его особенно живым и свежим, а круглые белые щёчки придавали образу ещё больше миловидности. Он

сказал очень искренне:

— Потому что... если стану учеником Повелителя Бессмертных, то точно буду самым слабым.

Сянь Хуан на мгновение замолчал.

Цзянь Чжэнь наклонил голову, честно просчитав:

— А вот если останусь здесь, среди новичков... я хотя бы не буду самым-самым слабым.

Солнечный свет падал ему на плечи — яркий, тёплый, словно вокруг него и правда не существовало ни одной тени.

Сянь Хуан тихо улыбнулся:

— Что ж. Небольшая закалка тоже пойдёт на пользу. Но помни: во всём прежде береги себя. У клана демонов иные правила, чем у клана бессмертных. Больше не вздумай творить безрассудства.

Цзянь Чжэнь: «...»

Разве он настолько безрассудный?

Готовый было возразить, он вспомнил историю с Водяным Зеркалом... и благоразумно промолчал.

Как бы он ни оправдывался, что он «не специально» — никто всё равно не поверит!

У подножия Фулиншань.

Все ученики, прошедшие отбор через Водяное Зеркало, снова поднялись на гору. Цзянь Чжэнь стоял в самом хвосте колонны и заметил, что многие бросают на него взгляды — не враждебные, нет, но определённо настороженные, странные.

Пока остальные сбивались по двое-трое, он одиноко маячил в конце — будто чужой среди своих.

Пока кто-то не хлопнул его по локтю.

— Цзянь Чжэнь! Наконец-то увиделись!

Цзянь Чжэнь обернулся и увидел Юя — за несколько дней тот тоже переделся в форму ученика, только лицо у него всё ещё оставалось в пыли, зато весь вид стал куда собраннее.

— Юй, — удивился Цзянь Чжэнь, — ты стал намного выше меня.

Юй рассмеялся, наклонился ближе к его уху и шёпотом добавил:

— Всё-таки мне приходится переодеваться и менять облик. Нельзя, чтобы меня узнали.

Цзянь Чжэнь послушно кивнул:

— Понимаю.

Юй моргнул:

— Что ты понимаешь?

Он ждал, что Цзянь Чжэнь хотя бы спросит — от кого он скрывается, насколько высок его статус в мире демонов, выгодно ли это знакомство.

Но...

— Я никому не расскажу, — мягко и искренне сказал Цзянь Чжэнь. — Не дам никому узнать.

Юй смолк, а потом улыбнулся — широко, по-настоящему.

— Спасибо тебе.

— Не за что. Ты же мой друг.

Они негромко болтали, пока впереди готовилась церемония. В Фулиншань каждые сто лет проводили ритуал принятия учеников — самое важное событие для демонического мира. На этот день приглашали лидеров всех трёх миров, чтобы те наблюдали церемонию.

Юй наклонился к уху Цзянь Чжэня:

— Интересно, придёт ли в этот раз Мозун.

При имени «Мозун» травка вздрогнула всем телом.

Цзянь Чжэнь, поражённый, уставился на Юя:

— М-Мозун... то есть... Мозун тоже может прийти?

— А чего ты так удивляешься? — усмехнулся Юй. — На такую важную церемонию обычно приходят и Владыка демонов, и Повелитель бессмертных. Вот же Сянь Хуан уже здесь.

Цзянь Чжэнь задумался и спросил:

— А почему тогда Мозун не пришёл?

На самом деле он ещё никогда не расставался с Дажэном так надолго.

Когда привыкаешь видеть кого-то почти каждый день — разлука ощущается особенно остро.

Юй пожал плечами:

— Мозун терпеть не может подобные официальные мероприятия. Может и не прийти.

Цзянь Чжэнь кивнул.

Едва их разговор закончился, как с помоста для почётных гостей раздался взволнованный голос главы клана:

— Не знал, что Мозун удостоит нас визита... Фулиншань сегодня поистине озарена его присутствием!

Все головы одновременно поднялись вверх.

На вершине самой высокой скалы, под сияющим солнцем, на обрыве Фулин, появилась высокая фигура. Чёрные одеяния, чёрные волосы, развевающиеся на ветру... Под ним — огненный феникс, расправивший крылья в небесах. Он появился на великой церемонии демонов — и в этот миг все представители кланов без слов склонили головы. Он просто стоял там, а ощущение было такое, будто над ними навис Трон Десяти Преисподних. Невидимая аура силы — опасная, величественная — заставляла сердца сжиматься.

Мозун Дажэн лениво поднял взгляд, скользнув глазами по толпе внизу:

— О том, что случилось у Водяного Зеркала, знают все три мира. А сегодня у демонов — день великой церемонии. С какой стати мне не явиться?

После этих слов...

Внизу, в толпе, у Цзянь Чжэня по спине мгновенно пробежал холодок — будто кто-то провёл ледяным клинком.

Юй тихонько шепнул сбоку:

— Это и правда Мозун? Говорят, он за многие-многие тысячелетия ни разу не появлялся на церемониях демонов...

Цзянь Чжэнь: «...»

Правда-правда.

Эту ауру он узнает из тысячи. Его маленькая травяная душа могла поклясться!

Глава клана демонов радушно рассадил гостей на помосте. Новая церемония учеников, в присутствии сразу двух Верховных — бессмертных и демонов, — станет громким событием. Для демонов это огромный престиж.

Мозун Дажэн сделал несколько шагов вперёд и столкнулся взглядом с Сянь Хуаном, сидящим неподалёку.

Небо ясное, солнечное... а вокруг этих двоих воздух словно окутал мороз.

Здесь собрались старейшие и самые сильные демоны клана, и даже они ощутили ледяное давление, от которого хотелось вздрагивать и менять позу.

Сянь Хуан поставил чайную чашу, взгляд ровный:

— Не ожидал, что Мозун снизойдёт для визита.

Мозун Дажэн посмотрел на него спокойно. Его красные глаза — глубокие, как гибельные мандёгоры, прекрасные и опасные — заставляли опускать взгляд. Голос его был ленив, почти

равнодушен:

— Раз Небесный Повелитель явился... чего бы мне не прийти?

Сянь Хуан невозмутимо ответил:

— Я здесь ради молодых талантов трёх миров. Это долг.

Мозун Дажэн сел на своё место. Тёмные одеяния скользнули по воздуху, очерчивая тень. На безупречном лице появилась лёгкая улыбка — холодная, не касающаяся глаз:

— Вот как?

По всему помосту воцарилась тишина. Пока эти двое говорили, не смел произнести ни слова никто.

Мозун Дажэн откинулся на спинку кресла — лениво, расслабленно, но всё равно отчуждённо-властно:

— Тогда и я... проявлю заботу о молодом поколении.

Все присутствующие: «...»

За последние тысячи лет Вы пришли впервые.

И вот теперь — «позаботиться» изволили?

<http://bllate.org/book/12641/1121228>